

«ДОБРОТА СПАСЁТ МИР». Е.И. КАМЕНЦЕВА (Впечатления)

С Еленой Ивановной Каменцевой я познакомился заочно, когда поступил в Историко-архивный институт. Перед началом занятий на первом курсе нам выдали в институтской библиотеке набор учебников, среди которых ярко выделялись несколько книг – как своими разноцветными обложками, так и интересными, загадочными названиями. На их титульных листах стояло одно и то же имя – Е.И. Каменцева (один раз вместе с Н.В. Устюговым): это были синяя «Хронология», жёлтая «Историческая метрология» (сокращённый вариант совместного с Устюговым учебника) и красно-белая «Русская сфрагистика и геральдика» с серо-фиолетовыми сибирскими соболями на обложке.

Вместе с фундаментальной «Русской палеографией» Л.В. Черепнина и великолепно изданным палеографическим альбомом М.Н. Тихомирова и А.В. Муравьёва (тогда нам выдавали его первое издание) эти книги составили набор учебников «всего лишь» для одного (!) учебного курса под названием «Вспомогательные исторические дисциплины» (кроме того, в набор входили также сборник задач по хронологии и метрологии и ещё несколько брошюр, включая университетскую программу курса, под общей редакцией всё той же Елены Ивановны – так что при желании студент мог получить самую блестящую подготовку в этой области; замечу, кстати, что речь идёт о вечернем отделении, где я учился и которое закончил).

На фоне другой учебной литературы (да простят меня уважаемые и обожаемые братские кафедры нашего института) учебники по «видам» (как всегда и всюду все поколения студентов ИАИ называли, несмотря на решительные протесты Елены Ивановны, «вспомогательные исторические дисциплины») были чрезвычайно притягательны – это было для вчерашних школьников совершенно новое знание, об очень интересных вещах – знание (и умение, что важно подчеркнуть), открывающее двери к тайнам профессионального мастерства. Лекции и особенно семинарские занятия по «в.и.д.» (так сокращала этот предмет сама Елена Ивановна) на первом курсе, длившиеся в течение всего учебного года, были, наверно, самыми интересными, самыми «живыми» и увлекательными (и самыми сложными!, и самыми запоминающимися!) для большей части тогдашнего студенчества.

Потом, на старших курсах, всё было как-то более «серьёзно», более «сурово» и временами скучновато, да и в преддипломных «блужданиях» все как-то разбрелись по разным кафедрам. А «виды» так и остались одной из самых ярких страниц студенческого бытия (не без гордости за нашу кафедру могу заметить, что это восприятие сохраняется у студентов и в наши дни).

В конце всего курса, прочитанного Еленой Ивановной, предстояло сдать ей экзамен за весь год – т.е. все пять «дисциплин» по всем четырём учебникам, плюс обязательное чтение русских средневековых текстов, преимущественно скорописи (чему нашу группу блестяще научила Антонина Ефимовна Чекунова). Идти на экзамен к Елене Ивановне все страшно боялись (много позже в каком-то разговоре Елена Ивановна искренне недоумевала, почему она внушала студентам такой страх, но факт остаётся фактом). Она пользовалась репутацией абсолютно строгого и непреклонного педагога, у которого получить четвёрку считалось высшим достижением. При этом Елена Ивановна, казалось, совершенно не уставала. Она садилась принимать экзамен в 10 утра и могла принимать его хоть до семи вечера, причём делала это с одинаковой тщательностью: что для «пионеров», что для «отстающих».

Позднее, принимая экзамен уже вместе с ней, я не мог не удивляться этой потрясающей педагогической «закалке». Придя на экзамен примерно за час до его начала и надеясь попасть в первые ряды отвечающих, я оказался одним из последних – почти вся наша группа пришла часа за полтора. Девушки решили подарить Елене Ивановне букет цветов, желая, видимо, её задобрить – но это не дало никакого результата. Экзамен начался... Сел я отвечать только часам к шести. К этому времени ясная солнечная погода летнего утра сменилась проливным дождём с громом и молнией. Я отвечал в состоянии какого-то оцепенелого безразличия, потому что просто устал волноваться. Помню только, что хорошо прочитал текст (благодаря Антонине Ефимовне я был хорошо подготовлен к этому), Елена Ивановна, как всегда, задавала дополнительные вопросы. Пятёрка была для меня полнейшей неожиданностью – у Каменцевой это была редкость, но к чести нашей группы надо сказать, что несколько пятёрок всё же мы получили. Так состоялось моё первое «боевое крещение» на прекрасной ниве «вспомогательных исторических дисциплин».

На пятом курсе я стал дипломником у Ольги Михайловны Медушевской и с тех пор связал свою жизнь с нашей кафедрой. Елена Ивановна всегда и во всём помогала мне, её поддержка особенно много значила для меня (как и огромное участие в моей судьбе Ольги Михайловны). С Еленой Ивановной со временем мы стали не просто коллегами, а настоящими, большими друзьями – могу так сказать потому, что она сама так не раз говорила. Елена Ивановна была человеком удивительных душевных качеств – свойств той, старой русской интеллигенции московского «разлива», к которой она принадлежала и по рождению и по воспитанию. Гостей в доме Елены Ивановны всегда «встречал» старинный портрет деда – Ивана Ильича Барышева, сотрудника книгоиздателя К.Т. Солдатёноква и довольно популярного в своё время писателя. Поскольку дом Солдатёноква, где жил Барышев, располагался на Мясницкой, то и литературным псевдонимом Ивана Ильича был «Мясницкий». О происхождении самого деда сохранились весьма туманные сведения.

В энциклопедии «Русские писатели. 1800 – 1917 гг.» (ныне, увы!, прекратившейся), где есть статья о нём, сообщается, что на самом деле Иван Ильич был внебрачным сыном Солдатёнова. Елена Ивановна решительно отвергала эту версию, казавшуюся ей маловероятной. По её данным, предки Ивана Ильича были крепостными крестьянами помещиков Огарёвых. Впрочем, как-то рассматривая семейные фотографии деда, Елена Ивановна заметила, что он мало похож на сына крепостных, но никаких более определённых свидетельств о происхождении Ивана Ильича не имеется. Во всяком случае после окончания Московского коммерческого училища Барышев был принят на работу в контору издательства и довольно скоро стал главным помощником Кузьмы Терентьевича, заведовал денежными делами фирмы. Сам он прославился юмористическими рассказами, сценками и стихами, обретая репутацию «московского Лейкина», как «талантливый бытописатель нравов московского купечества». Среди его весёлых произведений, например, такие, как «Женитьба замоскворецкого лавочника Архипа Семёновича Крутозубова», «Юмористическое путешествие Петра Ивановича Таракашкина и Ивана Петровича Букашкина», «Приключения Жоржа Бантикова и Сержа Кантикова» и многие другие. После 1917 г. они, естественно, не переиздавались. А сам Иван Ильич скончался в 1911 г. на пути с дачи в Москву, чтобы присутствовать на панихиде по случаю 25-летия смерти А.Н. Островского.

В течение нескольких лет Иван Ильич был казначеем Общества русских драматических писателей, и как помощник Солдатёнова, многих известных писателей знал лично. Сохранилась фотография Ивана Ильича вместе с И.З. Суриковым (это, кажется, чуть ли не единственная известная фотография поэта), а в библиотеке Елены Ивановны имеются книги Бальмонта, надписанные деду. Семейные альбомы, книги, вещи – всё это создаёт неповторимую атмосферу старой русской культуры. И хотя Елена Ивановна родилась уже после революции, она получила такую замечательную «закалку» в семье, благодаря которой (как и своим личным качествам) смогла преодолеть все трудности жизненного пути порой в очень непростое и тяжёлое время. Она много рассказывала о жизни прежних лет, о судьбе родных, об институте, о друзьях и коллегах. Порой небольшие штрихи, отдельные чёрточки отношений давали яркие образцы высокой культуры.

Вот, например, она как-то сказала мне: «Вы знаете, старшее поколение преподавателей кафедры никогда не называло нас, молодых, просто по имени, а только по имени-отчеству – такова была старая традиция». Отношение же к студенту было всегда уважительным. Помню, как принимая экзамен, в ответ на какую-то глупость студента я не смог сдержаться смеха. Елена Ивановна очень тихо, но строго одёрнула меня, а студенту сказала: «Нет, Вы не правы, это неверно». И такие детали были лучшим примером подлинного человеческого уровня. Интересной была даже речь Елены Ивановны: прислушавшись, можно было различить в ней и характерное московское «верьх» и такие милые обороты, как «потушить свет», «чай не

поспел» или «парадное» (вместо «подъезд»). Всё это, конечно, были проявления великой традиции русской культуры – традиции, столь непонятной в современном мире. Конечно, Елена Ивановна с большой смотрела на то, во что превратилась ныне Москва – это была уже совершенно иная эпоха с иными принципами...

Когда я только начал преподавать в институте, Елена Ивановна сказала мне: «Я хочу, чтоб Вы стали очень хорошим преподавателем вспомогательных исторических дисциплин», и я на целый день приехал к ней домой: за несколько часов мы прочитали и подробно разобрали с ней все тексты из учебной коллекции кафедры, Елена Ивановна снабдила меня своими учебниками (которых к тому времени уже было не достать), а заодно и целым рядом других книг, и я отправился к студентам, пройдя таким образом второй, уже ускоренный курс наших наук. Казалось бы, что ей судьба молодого преподавателя? Но для Елены Ивановны педагогическая традиция была не пустым звуком – она сама, постоянно, всеми силами стремилась сохранить её и передать. В последний год её педагогической работы несколько студентов одного из курсов попросили её прочитать им нумизматику. У Елены Ивановны, разумеется, не было этого в нагрузке, но она, известнейший учёный и педагог с 60-летним стажем, в течение всего года ради трёх студенток еженедельно приезжала на кафедру и читала этот курс. Не преподавать, не общаться с молодёжью, не получать у ней отклик она не могла.

Институт был жизнью для Елены Ивановны. Много сил отдавала она Геральдическому семинару, объединив специалистов разных интересов и дисциплин вокруг геральдики и кафедры. Она вообще была сильным «центром притяжения» - к ней тянулись талантливые и неординарные люди (хотя и «ординарные» тоже). Очень любила своих учеников – Сашу Пашкова, Игоря Борисова, Серёжу Зверева, Елену Зотову... Всем нам будет её очень не хватать. Работала Елена Ивановна почти до конца: написала предисловие к новой книге И.В. Борисова, очень помогла мне в исследовании истории русской евгеники 1920-х годов (оказалось, что один из её героев – М.В. Волоцкой, был соседом Елены Ивановны по Софийской набережной), подготовила небольшие воспоминания о первых годах работы кафедры для «семинарского» номера «Гербоведца» и кафедральной конференции 2005 г., а за день до смерти вспоминала наш семинар... И мы всегда будем помнить о ней и сохранять то наследие, которое донесла она нам от поколений наших предшественников.